

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Куприн

«N.-J.» Интимный дар императора

«Public Domain»

1931

Куприн А. И.

«N.-J.» Интимный дар императора / А. И. Куприн — «Public Domain», 1931

«Нижеследующую не совсем обыкновенную историю рассказывала нам, еще в 1922 году, одна милая, пожилая русская эмигрантка. Позднее, лет через пять-шесть, эту историю подтвердила другая русская дама, живая ее свидетельница. Удобства и спокойствия ради, назовем первую г-жой X., вторую г-жой Z...»

Александр Иванович Куприн «N.-J.» Интимный дар императора

Нижеследующую не совсем обыкновенную историю рассказывала нам, еще в 1922 году, одна милая, пожилая русская эмигрантка.

Позднее, лет через пять-шесть, эту историю подтвердила другая русская дама, живая ее свидетельница. Удобства и спокойствия ради, назовем первую г-жой X., вторую г-жой Z.

Захваченная... диким вихрем гражданской войны, г-жа X. только к концу 1919 года смогла через Ревель, а потом через Гельсингфорс попасть в Париж, где во Французском банке и в «Лионском кредите» лежали у нее ценные бумаги, вложенные туда при самом начале большой мировой войны.

Теперь неизвестно, кто внушил ей несчастную мысль перебраться из Парижа в Германию, в Берлин. Тогда многие уверяли о том, что немцы-де теперь глубоко поняли, какую ужасную ошибку сделали они, ввязавшись в войну с Россией, разорив эту страну, столь богатую хлебом, сырьем, лесом и недрыными сокровищами...

«Ныне немцы глядят на русских с раскаянием и по-братски их жалеют, всеми силами стараясь облегчить и улучшить их жизнь».

И на самом деле, г-же X. сначала даже понравилось в Берлине. Немцы и вправду были тогда предупредительны. Франк стоял очень высоко; можно было позволить себе и кое-какое баловство. В эту-то пору г-жа X. и загляделась, в довольно-таки грязноватой лавочке старых и случайных вещей, на колье из горного хрусталя. Был яркий солнечный день. Уловив ее взгляд, старый бородатый купец-еврей ловким движением поднял ожерелье против солнца. Оно весело и радужно засверкало всеми цветами.

– Настоящее богемское, – сказал купец, – из коллекции короля Венцеслава.

Госпожа X. купила. Конечно, немного сначала поторговалась. Но цена в сто франков показалась ей недорогой: уж очень чисты и прозрачны были чудесно отшлифованные стразы, игравшие, переливавшиеся и дрожавшие семью роскошными огнями на розовом декольте красивой женщины.

Но дела берлинские постепенно переставали веселить, пока не стали совсем катастрофическими. Появились в обращении государственные кредитные билеты стоимостью в десять тысяч, сто тысяч, пятьсот тысяч, наконец, в миллион и миллиард единиц. Фунт картофеля стоил полмиллиона. Это было время пресловутой инфляции, которая, подобно черной болезни, покрыла и немецкую биржу, и немецкие дома. Все иностранцы спешно бежали из Берлина; одни – плотно набившие карманы на понижении, другие – потерявшие все, до нитки. Бежала, повинувшись закону стадности, и г-жа X.

В Париже было не так страшно. Однако, судя по ежедневным биржевым табличкам в газетах, франк, хотя и не падал заметно, однако, уже покряхтывал и потрескивал. Вчера доллар стоил одиннадцать франков, а ныне одиннадцать франков двадцать пять сантимов. Цены на товары и на съедобные припасы повышались медленно, но постоянно по одному су в неделю. Наконец, когда доллар с шестнадцати франков скакнул вдруг сразу на двадцать, г-жа X. испугалась и встревожилась. «Ах, зачем я не догадалась перевести мои капиталы в доллары еще в девятнадцатом году. Не пора ли это сделать хоть теперь, а пока распродать всякое, не особенно нужное барахлишко».

Так и сделала понемножку. Дошла очередь и до ожерелья из горного хрусталя. И тут г-жа X. немного засуетилась и замялась. Купить-то она сумела, а вот как продать-то? Недаром сложилась такая грубая, но меткая поговорка: «Купить – что клопа убить, а продать – что блоху поймать». Да и в той тихой части Пасси, где она скромно приютилась, не было ни одного ни ювелирного, ни часового магазина. Но на помощь ей пришла г-жа Z., дама бывалая, бойкая,

решительная и многознающая. Они познакомились еще в Берлине и даже были попутчицами до Парижа.

Госпожа Z. прямо сказала:

– Это – вещь замечательная. Только мы пойдем ее продавать не в какую-нибудь жалкую лавочку, а в лучший магазин на рю Де-ла-Пэ.

– Неловко, пожалуй.

– Вы только меня слушайте. Сейчас же возьмем метро на «Опера» и поедem.

– Только вы уж, ради бога, будьте такая добренькая, ведите все эти переговоры от своего имени. Я тут никуда не гожусь.

Взяли метро и поехали. Ну, уж передать, какой это был ювелирный магазин на рю Де-ла-Пэ – словами невозможно. Надо самим видеть. Впрочем, все русские эмигранты Парижа достаточно насмотрелись. «Бонжур, медам». «Бонжур, мсье». Передает г-жа Z. толстому ювелиру это самое стразовое кольцо и начинает петь:

– Фамильное сокровище, из знаменитого собрания великого короля Венцеслава, единственный в мире экземпляр, – и так далее...

А ювелир присел у окна, зажег маленький, но ослепительный огонек и в глаз вдвинул пресильную лупу. Глядел, глядел, звено за звеном разглядывал. Потом обернулся к дамам.

– Десять тысяч дам.

Госпожа X. тяжело задышала, но подруга шепчет ей на ухо:

– Не волнуйтесь и молчите. Слушайте меня, – и ювелиру отвечает: – Мы сейчас решиться не можем. Надо посоветоваться с близкими людьми. Будьте добры, подождите до завтра.

– Ваше дело. А лучше бы вам решиться сегодня. Так и быть, еще пять тысяч набавлю. Всего – пятнадцать.

– Ах, нет, нет, надо поговорить, навести справки... Лучше подождите до завтрашнего утра. Ювелир пожал плечами.

– Не смею вас уговаривать. Вы хозяйева. Хорошо, погожу денек, а больше уж ждать не буду. О ревуар, медам.

– Оревуар, мсье, – и ушли из магазина.

По дороге г-жа X. говорит своей помощнице с недоумением и с легким укором:

– Но почему же на пятнадцать тысяч не согласились? Ведь кольцо – всего только хрустальное. Не вернуться ли нам тотчас же к ювелиру и сказать, что мы-де согласны?

Но та отвечает:

– Положитесь на меня. Раз он на такую пустяковину сразу рот разинул и этакую огромную сумму предложил, поверьте, – это неспроста. Какой-то секрет здесь да есть, только мы его не видим и не знаем. А вот завтра как загнем ему тысяч пятьдесят, так и увидим. Верьте мне, ни чуточки торговаться не станет...

Не очень-то спокойно провели наши дамы этот день и следовавшую за ним ночь. Г-жа X. почти и спать не могла, каждую минуту просыпалась.

Рано утром они встретились. Когда приехали в метро на улицу Мира, там еще и витрин не открывали.

– Пойдемте, душенька, в кафе, – сказала г-жа Z., – выпьем кофею с молоком и с круасаном. А то на вас, милочка, и лица нет. Необходимо вам подкрепиться. Да, кстати, макийж¹ навести погуще, а то под глазами синяки обозначились и вид слишком усталый.

Тут же, в кафе, дамы и условились о том, какую цифру потребовать. Г-жа X. сказала – тридцать тысяч, г-жа Z. – пятьдесят, но потом обе остановились на сорока: цифра и деловая, и какая-то правдоподобная. Посидели еще с полчаса в кофейной, чтобы ранним визитом не

¹ Косметику (от *фр.* maquillage).

выдать своего нетерпения, что было бы ювелиру очень на руку. Наконец вошли в магазин. Хозяин встречает их толстый, приветливый, румяный, очевидно, крепко и сладко выпавшийся.

– Ну, как, мои прекрасные дамы? На чем мы остановимся?

Г-жа Z. лягнула:

– Менее сорока тысяч – невозможно. Так нам сказали весьма опытные знатоки. Ювелир усмехнулся:

– Хорошо, будь по-вашему. Получите. Но прежде карт д'идантитэ владелицы и расписку в получении. Потом уже, после того как все формальности были окончены и сорок тысяч лежали в саквояже г-жи X., запертые на ключ, она спросила вежливо у ювелира:

– Скажите, сделайте милость, неужели теперь горный хрусталь в такой моде, как говорят?

– О нет, сударыня. Этот прекрасный минерал теперь окончательно забыт и навеки заброшен. По правде говоря, я ваше хрустальное кольцо и вовсе бы не купил, разве бы только для подарка моей горничной, и дал за него пятьдесят, ну самое большее – сто франков. Нет, ценность его вовсе не в его достоинствах и не в его божественной родословной, до которой, впрочем, невозможно и докопаться, ибо это ожерелье сделано в Париже, в самом конце семнадцатого столетия. А то, что его делает очень дорогим, это его резные узоры.

– Узоры? Я их не заметила.

– А вот поглядите. Нет, нет. Невооруженным глазом вы вряд ли разберете. Возьмите-ка мою лупу.

Когда г-же Z. удалось наладить глаза, она наконец разобрала удивительную, мельчайшую работу. На всех пятидесяти стразах и на каждой грани каждого камешка, изящно переплетаясь, были вырезаны французские литеры.

– Это заглавные буквы, инициалы, имена Наполеона и Жозефины. Подарок императора той женщине, которую, одну во всем свете, он любил горячо и преданно. С мастера, работавшего над этим кольцом, было взято слово никому не рассказывать о наполеоновском интимном подарке, и никто действительно не видел этих камешков, но слух о них смутно ходил. Говорят, что они пропали в 1871 году, в эпоху коммунизма. Вот и все. Оревуар, медам.

Спустя несколько лет госпоже X. случилось встретиться с одним очень известным ювелиром. Зашел разговор о горном хрустале, и тут г-жа X. рассказала ему про наполеоновское кольцо.

– А знаете его дальнейшую судьбу?

– Нет.

– Оно продано в Америку за пятьсот тысяч франков. Тут и конец прекрасной легенде.